

- ²⁰ *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 100.
- ²¹ Картоотека ЭССЯ. Реконструкция В. А. Меркуловой.
- ²² Татарско-русский словарь. М., 1966, 464—465.
- ²³ *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1940.
- ²⁴ *Зуев Дл.* Месяц первого июня. — Юный натуралист, 1982, N 9, 48.
- ²⁵ *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен IV (*tipati, *piščati II и *piščalb II, *vьgati и *varati, *sokorъ и *sočiti II). — В кн.: Этимология 1977. М., 1976, 39—41.
- ²⁶ *Зеленина Э. И.* Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. — В кн.: БД X, София, 1981, 71, 80.
- ²⁷ *Яўневiч М.* З лексікі вёскі Кліны. — В кн.: Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы/Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, 32.
- ²⁸ *Аляксейчык Г. М.* З дыялектнай лексікі Навагрудчыны. — В кн.: З народнага слоўніка. Мінск, 1975, 73.
- ²⁹ *Прокопенко В. А.* Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, 466.
- ³⁰ *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, 72.
- ³¹ *Слалъ-Стоцький Р.* Українська мова в етимологічному словарі Е. Бернекера. — *Slavia* 5, 1926, 25.
- ³² *Kurpiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław etc. 1969, 21.

Р. Мароевич *

ЗАМЕТКИ

ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ. 3—4

3. О праславянском суф. *-ъjь* и прилагательном *božъjь*

1. Праславянский язык, как отмечает Мейе, унаследовал из индоевропейского языка суффикс прилагательного **-jo*, **-ijo*. Различие в значении прилагательных, образованных с помощью суф. *-jь* и *-ъjь* (которые по происхождению являются вариантами одного и того же суффикса), Мейе сформулировал так: суф. *-jь* служит для образования прилагательных, которые обычно означают принадлежность отдельному лицу, а не коллективу, тогда как прилагательное с суф. *-ъjь* часто имеет более широкое значение ¹.

По мнению М. Бродовской-Гоновской, суф. *-jь* и *-ъjь* в старославянском языке были функционально идентичными. Можно констатировать формальное различие между ними, а также их различную продуктивность (большинство зафиксированных примеров с формантом *-jь*) ².

Проблему соотношения суффиксов прилагательных *-jь* и *-ъjь* на материале древнерусских памятников пыталась решить С. В. Фролова. Ее основные выводы таковы.

Первое. В кругу прилагательных, образованных от нарицательных существительных, которые обозначают существа («со значением

* © R. Marojević, 1985.

одушевленности»), *-jь* и *-ьjь* не самостоятельные суффиксы, а варианты или «компоненты» одного и того же суффикса; односложные существительные в древнерусском языке XI—XIV вв. образуют прилагательные с помощью «компонента» *-ьjь*, а неодносложные — с помощью «компонента» *-jь*³.

Второе. «Словообразовательный компонент *-j* укрепился в образованиях от собственных имен, видимо, еще в общеславянский период; это дает основание считать его самостоятельным притяжательным суффиксом в старшую пору древнерусского языка»⁴.

И третье. «Самостоятельность же компонента *-ьj* как суффикса с родо-притяжательным значением оформляется в период XIV—XV столетий, т. е. в период, когда в кругу образований от нарицательных имен существительных со значением одушевленности компонент *-ьj* окончательно возобладал над компонентом *-j*, с которым до этого времени он делил свои словообразовательные функции»⁵.

Объяснение Фроловой не кажется нам убедительным ни в целом, ни в частности.

Первое. Не рекомендуется рассматривать формант *-jь* то как самостоятельный суффикс (в категории *nomen propria*), то как вариант суффикса (в категории *nomen appellativa*). Суф. *-jь* тем самым выделяется из системы суффиксальных посессивных категорий древнерусского (и праславянского) языка. Известно, что суф. *-ovъ* и *-inъ* также образуют прилагательные и от нарицательных и от собственных существительных со значением лица. Семантические различия между прилагательными, образованными от собственных и нарицательных существительных, обусловлены не разной природой суф. *-jь*, *-ovъ*, *-inъ* этих двух групп прилагательных, а различием двух типов существительных. *Nomen appellativum* наряду с конкретным лицом может обозначать и лицо вообще.

Второе. Фролова оставляет без внимания семантическую сторону проблемы. Основное значение прилагательных, образованных с помощью суф. *-ьjь*, категориально-притяжательное: они означают принадлежность множеству лиц или свойство, присущее категории лиц или животных. Эти прилагательные семантически гораздо ближе прилагательным, образованным с помощью суф. *-ьskъ*, вместе с которыми они составляют категорию относительно-притяжательных прилагательных. Первоначальное значение посессивного суф. *-jь* индивидуально-притяжательное. Прилагательные с этим суффиксом, произведенные от нарицательных существительных, в процессе исторического развития могли получать и получали и категориально-притяжательное значение.

Для прилагательных на *-ьjь* в праславянском языке не было характерно индивидуально-притяжательное значение. Однако Фролова, чтобы доказать, что между прилагательными на *-jь* и прилагательными на *-ьjь* нет никаких семантических различий и что прилагательные на *-ьjь* имеют лично-притяжательное значение, если существительное, от которого они образованы, имеет «единичное, конкретное значение», приводит два примера. 1) Прилагательное *божиш* имеет значение лично-притяжательное в выражении *сынъ божиш*,

связываясь с существительным *богъ* в значении 'бог-отец'. 2) Лично-притяжательное значение русского диалектного *мужий* Фролова иллюстрирует примерами: баба продает *мужью* лапоть, *мужья* тут могила.⁶ Прилагательное *мужий* — диалектное слово недавнего происхождения, что допускает и Фролова. Употребление относительных прилагательных в притяжательном значении — результат позднего развития категорий в русском языке⁷. Прилагательное же *божи* требует специального объяснения (см. далее раздел 2).

Третье. Отсутствие суф. *-ъь* в односложных именах существительных мужского рода объясняется по-другому: конкуренцией со стороны суф. *-овъ*⁸. Сформировавшийся на славянской почве, суф. *-овъ* имел индивидуально-притяжательное значение, находясь в оппозиции к суффиксу с категориально-притяжательным значением *-ььь*. Так, например, прилагательное **lъv-ovъ* значило 'который принадлежит льву как отдельному животному', а прилагательное **lъv-ььь* (*льви*) имело значение 'который относится к лвам, который принадлежит лвам, льву как виду'. Это различие между прилагательным *бычи* < **bъč-ььь* (не 'ѣмъ мясь *бычи* /Изб. 1073/) и прилагательным *быковъ* (чюдившиися смрти *быковъ*/ГА XIII—XIV/) заметила сама Фролова: «...раннее проявление противопоставления образования с *-ов* как выражающего принадлежность единице образованию на *-и*, *-ье*, *-ья* как выражающему категориальную принадлежность»⁹.

Сделаем выводы. Суф. *-ъь* и *-ььь*, по нашему мнению, функционально различались уже в праславянском языке до того, когда из него выделились отдельные славянские языки. Первый суф. *-ъь* присоединялся к сингулятивной именной основе, образуя прилагательное с основным значением принадлежности отдельному лицу. Такое прилагательное особым образом входило в парадигму имени, от которого оно произведено¹⁰. Другой суф. *-ььь* присоединялся к именной основе множественного числа, образуя прилагательное со значением принадлежности многим лицам или свойства, им сущего. Прилагательное на *-ььь* не входило в парадигму имени, от которого оно было образовано. Такое толкование суффикса прилагательного *-ььь* подтверждают и праславянские акцентные типы, которые реконструировал В. А. Дыбо: **bābььь*, **bābььa*, **bābььe*, **božьььь*, **božьььa* **božьььe*¹¹. Место ударения в прилагательных на *-ььь* совпадает с местом ударения в косвенных падежах множественного числа соответствующего существительного.

2. Специального объяснения требует прилагательное *božьььь*, которое, хотя и образовано с помощью суф. *-ььь*, имеет индивидуально-притяжательное значение.

Прилагательное *božьььь* < **bog-ьььь*, образованное в праславянском языке от нарицательного существительного *bogъ* с помощью относительно-притяжательного суф. *-ьььь*, в языческую эпоху многобожия могло иметь только относительное и категориально-притяжательное значение. От имен отдельных божеств (сложения с *-bogъ*) образовывались притяжательные прилагательные с помощью суф. *-ъььь* (см. далее пункт 3). С принятием христианства как монотеисти-

чешской религии *nomen appellativum bogъ* стал *nomen proprium Bogъ*. А относительно-притяжательное прилагательное *božьjъ*, которое в языческую эпоху значило 'который имеет отношение к богам, который свойствен или принадлежит богам', получил значение 'который принадлежит Богу, который имеет отношение к Богу'. Это прилагательное и после принятия христианства не означало 'который принадлежит богу-отцу', как то утверждает Фролова. Часты примеры, в которых *božьjъ* значит 'который принадлежит богу-сыну, т. е. Христу'.

Этот специфический, до сих пор не отмеченный, языческий элемент принят христианством, потому что слово *božьjъ* уже в эпоху язычества приобрело отчетливо выраженный сакральный оттенок.

3. Прилагательное, образованное от нарицательного существительного *bogъ* с помощью индивидуально-притяжательного суф. *-jъ*, не засвидетельствовано. На реальность прилагательного **božь < *bog-jъ* указывают следующие моменты.

а) Имена отдельных божеств в сложении со вторым компонентом *-bogъ* — бог солнца *Дажьбогъ* и бог ветра *Стрибогъ*¹² — образовывали притяжательные прилагательные с помощью суф. *-jъ*: погибашеть жизнь *Дажь-Божа внука* (Сл. о. п. Иг., 16—17); встала обида въ силахъ *Дажь-Божа внука* (Там же, 19); се вѣтри, *Стрибожи внуци*, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плѣки Игоревы (Там же, 12).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что прилагательные *Дажьбожь* и *Стрибожь* в эпоху создания Слова о полку Игореве (конец XII в.) были в живом употреблении.

б) Сложные существительные со значением лица со вторым компонентом *-bogъ*, судя по патрониму *Молибожичь* (придоста Лазоръ Домажирецъ и Иворъ. *Молибожичь*. два безаконьника /ЛИ ок. 1425, л. 266 (1240)/), образовывали прилагательные на *-jъ* в древнерусском языке и в первой половине XIII в.: патроним *Molibožičь* создан с помощью суф. *-ičь* от основы притяжательного прилагательного *Molibožь < *Molibog-jъ*, а это прилагательное образовано с помощью суф. *-jъ* от личного имени *Molibogъ*.

в) Сербохорватское *божић < božićь* в патронимическом значении с словообразовательной точки зрения членится на основу притяжательного прилагательного **božь* и суф. *-ičь*. Прилагательное же **božь*, засвидетельствованное только в составе приведенного патронима, образовано с помощью суф. *-jъ* от существительного *bogъ*. (Подробнее о сербохорватском *божић* см. в следующей заметке).

4. С-хорв. *božićь*

Вук Караджич считал, что *божић* — деминутив от *бог*¹³. Такого же мнения был и Даничич (RJA I, 567). Это толкование развил далее Скок: «Христианство восприняло понятие доброго бога, на его основе образовался деминутив на *-ič < . . . > božić*, т. *маленький бог > *Иисус Христос' < . . . > в названии праздника *natale Christi* 'Рождество Христово'. В романских языках опустили дополнение *Christi* —

и Рождественский праздник стали обозначать только одним словом *natale*. На основе этого факта Скок пытался объяснить и происхождение сербохорватского слова *божић* в значении религиозного праздника: «... в речи народа утрачено выражение *rođenje božića* и одно лишь слово *božić* (<...> стало обозначением Рождества)» (Skok I, 179).

Славский в Праславянском словаре приводит западно- и южнославянские параллели и делает вывод, что *božitъ* 'сын божий' произведено от *bogъ* с помощью суф. *-itъ*, что его первоначальное значение 'маленький Бог', из которого позднее, в эпоху христианства, развилось значение 'Рождество Христово' (Słownik prasłowiański 1, 344).

Трубачев считает, что **božitъ* «производное с суф. *-itъ* (патронимикон, с указанием на происхождение) от **bogъ*» (ЭССЯ 2, 228).

Согласно нашему толкованию, комплекс значений сербохорватского *божић* (и соответствующих южно- и западнославянских параллелей) — результат семантико-грамматического развития двух праславянских слов.

I *božićъ* 'Богов сын', существительное-патроним

От существительного *bogъ* сначала было образовано притяжательное прилагательное **božъ*, не засвидетельствованное в славянских языках (см. предыдущую заметку). От основы же притяжательного прилагательного **božъ* с помощью (патронимического) суф. *-ićъ* < **-itъ* был образован патроним *božićъ* в значении 'сын божий' (условно формулируем его как 'Богов сын', чтобы подчеркнуть значение индивидуальной принадлежности). Согласно этому основное (именное) значение праславянского **božitъ* патронимическое, а не деминутивное, на что указал О. Н. Трубачев. Эта модель по которой в праславянском образовывались патронимы, — основа притяжательного прилагательного + патронимический суф. **-itъ* — лучше всего представлена в древнерусских памятниках XI—XIV вв.

Патроним *božićъ* можно проиллюстрировать стихами из песни-колядки:

Домаћине, коледо, господине, коледо! (<...>
Додај нама крај гајтана,
на чем ћемо бога молит
за старога — за Бадњака,
за младога — за Божића¹⁴.

Исходя из того, что *божић* — деминутив, Даничић дает следующее семантическое ограничение в отношении приведенного и других примеров: «... в песнях, которые поются на Рождество, речь идет о младенце Иисусе Христе» (RJA I, 547). Однако ни в одном из примеров, которые приводит Загребский словарь (RJA), *божић* не имеет значения 'младенец Иисус', а значит просто 'Христос, бог-сын'.

II *božićъ* 'принадлежащий сыну Бога, Христов', притяжательное прилагательное от патронима

На вопрос, какими грамматическими средствами выражалась притяжательность в случае, когда в роли субъекта выступает патроним на **it-ъ* < **itios*, мы дали достоверный ответ: притяжательные

прилагательные от патронимов образовывались с помощью суф. -ь, что привело в исторический период к омонимии патронима и притяжательного прилагательного мужского рода¹⁵. На основе этого можно объяснить грамматическую и семантическую природу слова *божић* в значении религиозного праздника.

От патронима *božićь* с помощью суф. -ь образовано прилагательное *božićь, *božića, *božiče. В тот период, когда зависимое слово в синтагме *božićь (= *божићев*) *днь* еще воспринималось как прилагательное, произошла утрата существительного *днь*. Когда же суф. -ь стал мертвым, субстантивированное прилагательное *božićь* (= *божићев*) окончательно вошло в разряд существительных, перестав осознаваться как прилагательное.

Наша словообразовательно-семантическая реконструкция устраняет кажущееся различие между названиями религиозных праздников типа *Николь дан* и *Божић*.

Замечания

1) Когда притяжательный суф. -ь стал мертвым, прилагательное *božićь* было вытеснено прилагательным *božičevъ*: *Божићеве* три сестре. Цркву гради *Божићева* мајка (RJA I, 568).

2) В связи с приведенным выше объяснением Скока нужно подчеркнуть, что в славянских языках была возможна утрата зависимого члена синтагмы (ср. русское *рождество Христово* → *рождество*), однако опущение единственного независимо склоняемого члена синтагмы было невозможно, следовательно, существительное *божић* не могло возникнуть в результате выпадения существительного *рођење* в синтагме *рођење божића*.

3) Деминутив *božićь* 'божок' в сербохорватском, очевидно, вторичное производное, образованное с помощью уменьшительного суф. -ićь непосредственно от существительного *bogъ*. Примеры употребления этого существительного приведены в Загребском словаре под значением 1: 'языческий божок', с XVI в. В качестве иллюстрации даем только один пример: У народу се прича да су Срби имали неке засебне кућанске *божиће*. — 'В народе говорят, что сербы имели каких-то особых домашних божков' (RJA I, 567).

Примечания

¹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, 286—287.

² Brodowska-Holowska M. Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków etc., 1960, 29—30, 50—51.

³ Фролова С. В. История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -j, -ьj по древнерусским письменным памятникам XI—XVII вв. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та 27, 1959, 194—195, 314—318.

⁴ Там же, 319.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 268, 273.

⁷ Маројевић Р. Посесивне категорије у руском језику (у своје историјском развјитку и данас). Београд, 1983, 114—115, 150.

⁸ См. объяснение там же, 27—43.

⁹ Фролова С. В. Указ. соч., 305; Она же. История образования притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -ов/-ев в русском языке. — Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та 38, 1963, 44.

- ¹⁰ О специфичности категории притяжательных прилагательных в праславянском языке и на начальных этапах развития отдельных славянских языков см.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. 3. Об изменении значения и заменах существительного, 385—386, 410; *Трубецкой Н. С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка. — В кн.: Сборник лингвистических и филологических трудов. А. Белицу о четырехдесятилетии его научного труда. Београд, 1937, 16; *Фролова С. В.* К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та, 1960, 326; *Ревзин И. И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, 44—46; *Маројевић Р.* Указ. соч., 7—14.
- ¹¹ *Дыбо В. А.* Ударение притяжательных прилагательных на -ьj- в праславянском. — В кн.: Лингвотипологические исследования. М. 1973, т. 1, ч. 1, 205—220; *Он же.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981, 158—170.
- ¹² См.: *Виноградова В. Л.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1978, т. 5, 237—238 и цитируемую здесь литературу.
- ¹³ *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. 2 изд. Беч, 1852, 34—35.
- ¹⁴ Српске народне пјесме В. Караџића. Беч, 1841, књ. 1, 190.
- ¹⁵ *Маројевић Р.* Прасловенска adiectiva possessiva типа *Tvorimītičъ* (од патронима типа *Tvorimītičъ*), њихова судбина и трагови у словенским језицима. — ЈФ XXXVIII, 1982, 89—109.

Авторизованный перевод с сербохорватского П. П. Петлевой

И. Г. Добродомов

ЕЩЕ РАЗ О СЛАВЯНСКИХ ВАРИАНТАХ

*sabja, *šabja

По поводу этимологического толкования русского и других славянских наименований холодного оружия в виде однолезвийного меча с изогнутым стальным клинком типа *сабля*, *шабля* и т. п. существует большая и противоречивая литература, в которой зачастую выводы делаются на весьма ограниченном материале, иногда даже без достаточного рассмотрения отношений между формами внутри славянского языкового мира.

На славянской почве русская форма (*сабля*) вместе с южнославянскими (болг. *сабя*, макед. *сабја*, с.-хорв. *сабља*, словен. *sābja*) четко противопоставляется западнославянским формам (польск. *szabla*) вместе с украинско-белорусской (*шабля*). Это противопоставление базируется на различии начальных согласных *с-*, *ш-*, пока еще не получившем достаточно убедительного объяснения. Западноевропейский и венгерский материал в силу его вторичности и производного характера от славянского источника едва ли может дать что-нибудь ценное для этимологии.

Противопоставление рус. *сабля* болгаро-македонским формам *сабя* — *сабја* позволяет для более древнего состояния реконструировать праформу *sabja с рефлексамии так называемого *l-epentheticism* на восточнославянской почве, а также в ряде южнославянских язы-